

А.А. Гиппиус
(Москва)

**Скандинавский след в истории новгородского боярства
(в развитие гипотезы А.А. Молчанова о происхождении
посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей)***

Исследования по генеалогии новгородских боярских родов, столь значительно продвинувшиеся за последние десятилетия, вывели изучение истории Новгорода эпохи независимости на качественно новый уровень. Наиболее важные результаты были получены в этой области на материале XIV–XV вв. – для этой эпохи мы, благодаря в первую очередь исследованиям В.Л. Янина (1981), располагаем в настоящее время надежно восстанавливаемой разветвленной картиной родственных связей внутри целых боярских кланов и группировок, соотносимых с концами, улицами и усадьбами в самом Новгороде и вотчинными владениями за его пределами. Однако по мере продвижения в более древние хронологические пласты степень гипотетичности таких построений резко возрастает, а чаще всего такое продвижение оказывается вообще блокировано отсутствием необходимой информации. В свою очередь, территориальные и родственные связи, объединяющие известных по летописи и берестяным грамотам деятелей XII – первой трети XIII века (а таких связей за последнее время также обнаружено немало), как правило, не прослеживаются далее эпохи монгольского нашествия. Единственный бесспорный прорыв в домонгольскую эпоху со стороны боярских генеалогий XIV–XV вв. демонстрирует родословие связанных с Прусской улицей Михалковичей, надежно возводимых к впервые упоминаемому летописью в 1175 г. Михалку Степаничу (Янин 1981: 148–149).

* Кроме проекта, упомянутого в предисловии к настоящему сборнику, статья написана также в рамках проекта *Birchbark Literacy from Medieval Rus: Contents and Contexts*, финансируемого INTAS (№ 03–51–3867).

Еще более плотная завеса отделяет нас от эпохи формирования новгородского боярства. Появление в Новгороде в начале XII в. собственной традиции погодного летописания и приходящаяся примерно на то же время резкая интенсификация берестяной переписки застают уже сформировавшуюся и достаточно разветвленную сеть боярских патронимий, уходящую корнями в древнейшую эпоху, крайне слабо представленную письменными источниками. До последнего времени единственным опытом генеалогической реконструкции, оперирующей данными X–XI вв., была гипотеза Д.И. Прозоровского (1864) (см. также Лихачев 1945; Янин 1962: 54; Рыбаков 1963: 197), согласно которой Остромир, посадничавший в Новгороде в середине XI в., был сыном посадника Константина и внуком Добрыни, дяди и воспитателя Владимира Святославича, ставшего после ухода последнего в Киев новгородским посадником. Центральная роль в обосновании этого построения принадлежит записи Остромирова евангелия, называющей новгородского посадника «близоком» Изяслава Ярославича. Однако, после того, как А. Поппэ предложил альтернативное объяснение этого «близочества» – как родства по браку через жену Остромира Феофану, которую исследователь обоснованно считает дочерью Владимира Святославича и византийской принцессы Анны (Поппэ 1997) – этот главный аргумент потерял в доказательности. С другой стороны, потомство Остромира и Феофаны не прослеживается в Киеве далее их внука Яня Вышатича, а в Новгороде и вовсе неизвестно, так что данная генеалогическая цепочка пресекается в XI в., не имея выхода в историю республиканского Новгорода¹. Впрочем, главная идея, вызвавшая к жизни эту интересную гипотезу, сохраняет свою актуальность: потомки Добрыни, действительно, не могли раствориться в Новгороде без следа и вполне могут присутствовать среди новгородской знати не только XI в., но и последующих столетий.

В самое последнее время разыскания в области древнейшей генеалогии новгородского боярства пополнила чрезвычайно интересная гипотеза

¹ Слабую возможность нашупать такой выход предоставляет догадка А. Поппэ о том, что знаменитый «протопродр Евстафий», чей титул с несомненностью указывает на пребывание в Византии и какие-то константинопольские связи, был сыном Остромира и Феофаны (Поппэ 1997: 118). В сочетании с предложенной В.Л. Яниным идентификацией Евстафия с посадником Завидом, занимавшим этот пост в конце XI в., эта идея позволяет увидеть потомков Остромира (а может быть, и Добрыни) в неревских посадниках Дмитре Завидиче (1118), Завиде Дмитриевиче (1128) и Завиде Неревиниче (1175–1186). Заметим, что это родство вполне способно объяснить тот факт, что дочь Дмитра Завидича стала в 1122 г. второй женой Мстислава Великого (НПЛ: 21).

А.А. Молчанова (1997а; 1997б), прослеживающая истоки рода Гюрятиничей-Роговичей, представленного в XII–XIII вв. пятью поколениями новгородских посадников:

Гюрята (посадничал в начале XII в.)

Мирослав Гюртинич (1126–1128, 1135–1136)

Якун Мирославич (1137–1141, 1156–1160, 1167–1170)

Дмитр Якунич (1210 – до 1215)

Иванко Дмитрович (1220–1229)

Первого представителя этой посадничей династии, Гюряту, А.А. Молчанов отождествляет с упоминаемым в Повести временных лет под 1096 г. новгородцем Гюрятой Роговичем, поведавшим летописцу (по текстологическим выкладкам А.А. Шахматова – в 1114 г.) историю о заточенном в горах «на полунощных странах» народе. Имя отца Гюряты исследователь трактует как гипокористику от *Рогъволодъ* – древнерусского соответствия скандинавского имени *Рёгнвальд (Ragnvaldr)* – и предполагает, что дедом этого Рога-Рогволода был известный из скандинавских саг Рёгнвальд Ульвссон, двоюродный брат жены Ярослава Мудрого Ингигерд, прибывший вместе с ней на Русь и получивший в управление Ладогу как «ярлство». Скандинавские источники знают и детей Рёгнвальда – Ульва и Эйлива, также посадничавших в Ладоге и подвизавшихся в Новгороде на службе у Ярослава; с первым Молчанов отождествляет воеводу Улеба, возглавлявшего поход новгородцев на Железные Ворота в 1032 г.², а во втором предполагает отца Рогволода-Рога и деда Гюряты.

Определяя территориальную принадлежность Гюрятиничей-Роговичей, А.А. Молчанов предположительно относит их к боярству Славенского конца. Главным основанием для этого служит включение в число потомков Гюряты братьев Константина и Дмитра, известных своей строительной деятельностью на Торговой стороне (в 1191 г. ими была возведена деревянная церковь Параскевы Пятницы на Торгу, а в 1196 г. – каменный храм Кирилла в Кирилловском монастыре в Нелезене) и живших, судя по косвенным данным, в районе Лубяной улицы. Второго из братьев Молчанов отождествляет с Дмитрием Якуничем, сыном Якуна Мирославича, а в адресате найденной на древней Лубянице (Лукинский раскоп) берестяной грамоты № 747 Мирославе видит Мирослава Гюрятинича. «Показательно,

² С сыном Рёгнвальда Ульвссона этого Улеба отождествляет и Ю.В. Коновалов (1994: 92).

– заключает исследователь, – что родовое гнездо Гюрятиничей локализуется как раз по соседству с Ярославовым двором и размещалось оно на территории Славенского конца, где процесс появления среди усадебно-владельцев скандинавских выходцев отразился в местной микротопонимике (ср.: Варяжская улица, Иворова улица и т. д.) [Молчанов 1997: 84]).

Далеко не все в этом построении можно считать убедительным. Небесспорным с лингвистической точки зрения является отождествление летописного Улеба и Ульва, сына Рёгнвальда. Скандинавское имя *Ulf* в древнерусском должно было бы иметь вид *Ульвъ* или *Ульбъ*, тогда как *Ульбъ* является соответствием сканд. *Óleifr (Uleifr)* (см. Томсен 2002 [1891]: 223, 225)³. Не убеждают и аргументы в пользу принадлежности Гюрятиничей к славенскому боярству. Отождествление Дмитра, брата Константина, с Дмитрием Якуничем основано лишь на общности имени, совсем не относящегося к числу редких. Невозможно согласиться и с предположением, что Мирослав грамоты № 747 – это Мирослав Гюрятинич: последний умер в 1134 г., тогда как грамота стратиграфически датируется концом XII – первой третью XIII в. Локализация владений Гюрятиничей-Роговичей по соседству с княжеским двором оказывается таким образом под вопросом и не может служить даже косвенным подтверждением гипотезы о скандинавском происхождении рода.

Обоснование этой гипотезы складывается у А.А. Молчанова из трех шагов: 1) отождествления Гюряты Роговича с посадником Гюрятой, 2) трактовки имени *Рогъ* как усеченного *Рогъволодъ* и 3) предположения, что Рог-Рогволод был внуком скандинава Рёгнвальда-Рогволода. Что касается первого из этих шагов, то упоминание в ПВЛ об отроке Гюряты Роговича, посланном в Югру за данью, не оставляет сомнения в высоком административном ранге Гюряты и делает его тождественность одноименному посаднику более чем вероятной.

Относительно второго шага нельзя не заметить, что *Рогъ* в принципе может быть и прозвищем (типа *Зубъ*, *Носъ*, ср. восходящие к таким прозвищам фамилии *Зубов*, *Носов*, *Рогов*, и, в особенности, упоминание в НПЛ под 1207 г. *Носовичей*, построивших, вместе с Володаревичами, церковь св. Луки). Впрочем, такая трактовка не исключает объяснения имени как производного от *Рогъволодъ*: первая часть этого скандинавского по происхождению антропонима на русской почве неизбежно должна была быть со-

³ Благодарю Ф.Б. Успенского за консультацию по данному вопросу.

отнесена с соответствующим апеллятивом, так что его усеченная форма вполне могла восприниматься как прозвище.

Вполне правдоподобно и третье допущение. Широко распространенная, как в Скандинавии, так и на Руси, традиция наречения имени в честь деда представлена как в роду самого Рёгнвальда, назвавшего одного из сыновей Ульвом, в честь отца, так и в роду его жены, сестры норвежского конунга Олава Трюгвиссона (Трюгви – Олав Трюгвиссон – Трюгви Олавссон – Олав Трюгвиссон). Предположение, что отец Гюряты был назван Рогволодом в честь деда, удачно вписывается в этот антропонимический контекст, независимо от того, как звали деда Гюряты и был ли в действительности летописный Улеб тем же лицом, что и Ульв, сын Рёгнвальда.

О скандинавском происхождении рода мог бы свидетельствовать тот факт, что сына Мирослава Гюрятинича звали Якуном: это имя, как известно, является древнерусской передачей скандинавского *Hákon*. Впрочем, сам по себе этот довод легко может быть оспорен: в отличие от большинства имен скандинавского происхождения, имя *Якунь* надолго закрепилось в русском антропонимиконе (см. Мельникова 1999: 113), что, по-видимому, объясняется его соотнесенностью с христианским именем *Яковъ* (см. Унбегаун 1989: 80); сам А.А. Молчанов справедливо характеризует это имя как «прижившееся в именнике новгородского боярства» и, следовательно, не обязательно говорящее о скандинавских корнях его носителей⁴.

Все сказанное до сих пор характеризует гипотезу А.А. Молчанова как вполне правдоподобное, но недостаточно аргументированное построение. Принципиально важной поэтому представляется возможность укрепить эту гипотезу за счет привлечения дополнительных сведений о потомстве Мирослава Гюрятинича, до сих пор не обращавших на себя должного внимания. Под 6654 (1146) г. Ипатьевская летопись, излагая обстоятельства утверждения на Киевском столе Изяслава Мстиславича, сообщает об арес-

⁴ Стоит, правда, заметить, что «мода» на имя Якун возникает в Новгороде несколько позже: большинство его носителей, упоминаемых в НПЛ, подвизались в первой четверти XIII в. и должны были появиться на свет во второй половине предыдущего столетия, тогда как из деятелей XII в. это имя носит лишь Якун Мирославич (см. НПЛ: 645–646). Вполне возможно, что своей распространенностью в XIII в. данное имя было обязано именно этой личности: один из политических долгожителей XII в., герой многих политических коллизий, включая историческую победу над суздальцами в 1170 г., Якун Мирославич был, несомненно, чрезвычайно популярной в Новгороде фигурой. Сам же он должен был получить свое имя в силу родовой традиции, с чем хорошо согласуется предположение о скандинавских корнях этого рода.

те бояр – сторонников изгнанных из Киева Ольговичей: «и бояры многы изоимаша . Данила Великаго. и Гюрга Прокопъча. Ивора Гюргеви^ч Мирославла . вноука . и инѣхъ изоимаша много в городѣ Кыевѣ» (ПСРЛ 2: 327). В именном указателе к Ипатьевской летописи, составленном Л.Л. Муравьевой и Л.Ф. Кузьминой (ПСРЛ 2: XXII) дед Ивора Мирослав с полным основанием идентифицируется с Мирославом Гюрятичем: других Мирославов, деятельность которых приходилось бы на первую треть XII в., летописи не знают, а новгородский посадник, ходивший в 1135 г. из Новгорода «мирить киевлян с черниговцами» и умерший в том же году (НПЛ: 23), был личностью, хорошо известной в Южной Руси⁵. Его сын Якун характеризуется в летописи как ярый приверженец черниговских Ольговичей: он избирается на посадничество сразу после прихода в Новгород Святослава Ольговича, вместе с ним бежит из города в 1141 г., после чего в Новгород возвращаются бояре, бежавшие из него ранее «Святослава деля и Якуна» (см. НПЛ: 24, 27; Янин 2003: 140). Нет поэтому ничего удивительного в том, что к 1146 г. внуки Мирослава Гюрятинича оказываются в Киеве, где в это время княжит Игорь Ольгович, и становятся жертвой арестов сразу же после изгнания Ольговичей. Именно внуки, а не внук, так как *Мирославля вноука* в приведенном контексте следует трактовать как форму двойственного числа⁶, относя ее и к Гюргию Прокопъчу, отец которого известен из НПЛ как брат Якуна Мирославича Прокопья, вместе с Якуном бежавший в 1141 г. из Новгорода (НПЛ: 27), – тем самым окончательно подтверждается, что арестованы в Киеве в 1146 г. были внуки Мирослава Гюрятинича, а не какого-то другого Мирослава. Наконец, тот факт, что одного из «Мирославлих внуков» зовут Гюргием, а второй имеет отчество Гюргеви^ч, объясняется воспроизведением в потомстве Мирослава Гюрятинича имени его отца – принцип повторяемости родовых имен проявляется здесь исключительно наглядно.

⁵ В той же Ипатьевской летописи Мирослав упоминается под 1134 г. в связи с принесением на Русь заказанной им из Иерусалима реликвии, «доски оконечной» с Гроба Господня (ПСРЛ 2: 295).

⁶ К такому прочтению данного пассажа подталкивает его синтаксическая структура: наличие союза *и* после первого члена (*Данила Великаго*) и его отсутствие между вторым и третьим (*Гюргя Прокопъча. Ивора Гюргеви^ч*) отвечает архаичной норме древнерусского синтаксиса, предполагающей бессоюзное соединение однородных членов, если они образуют смысловое единство (в частности, когда речь идет о братьях) (см. [Зализняк 2004: 191]), где приводится аналогичный пример из той же Ипатьевской летописи: *се доумаль есмь со братмь своимь Ростиславом и съ Володимиромь, съ Изяславомь Двдвичема* [1147].

Подробный разбор данного пассажа потребовался нам, чтобы показать, что скандинавский антропонимический элемент в потомстве Мирослава Гюрятинича не ограничивается именем его сына Якуна: один из внуков Мирослава носил также скандинавское имя *Иворь*. Замечательно, что Якун Мирославич и Ивор Гюргевич являются единственными носителями скандинавских имен среди упоминаемых в летописи новгородских бояр XII в. Гипотеза А.А. Молчанова, возводящая Гюрятиничей-Роговичей к Рёгнвальду Ульвссону, получает таким образом решающее подтверждение: можно утверждать, что в жилах Гюряты Роговича и его потомков действительно текла скандинавская кровь.

Перейдем к вопросу о территориальной принадлежности Гюрятиничей, уже затронутому выше. В.Л. Янин, дважды рассматривавший этот вопрос в связи с историей новгородского посадничества, первоначально относил Якуна Мирославича к славенскому боярству (Янин 1962: 103), но в более поздней работе пересмотрел эту точку зрения, придя к выводу о вхождении его в боярскую группировку, связанную с Прусской улицей (Янин 1993: 9). А.А. Молчанов, специально не разбирая аргументации В.Л. Янина, присоединяется к его ранней точке зрения. Между тем, главный аргумент Янина, доказывающий принадлежность Якуна Мирославича к боярству Прусской улицы, представляется безупречным. Им является сообщение НПЛ под 1210 г.: «приде Дмитръ Якуницъ из Руси, и съступися Твердиславъ посадничества по своей воли стареишу себе» (НПЛ: 52, 249). «Ссылка на старшинство, – пишет В.Л. Янин, – может здесь иметь только один смысл: Дмитр был сыном посадника Якуна Мирославича (в летописном перечне посадников: «Якун, сын его Дмитр»), посадничавшего уже в 1137 г., тогда как отец Твердислава Михалко Степанич впервые стал посадником в 1180 г. Основанный на таких принципах столь мирный отказ Твердислава от посадничества возможен, по-видимому, лишь внутри единой боярской группировки» (Янин 1993: 9)⁷. Полностью соглашаясь с по-

⁷ Считая Дмитра сыном Якуна Мирославича, В.Л. Янин исходит из того, что упоминаемый без отчества посадник Якун, занимавший этот пост в 1167–1170 гг., и Якун Мирославич – это одно лицо. В первом издании «Новгородских посадников» исследователь придерживался мнения, что в Новгороде в XII в. было два посадника Якуна; основанием для этого было двукратное упоминание этого имени в летописном списке посадников. Поскольку, однако, достоверно известно, что Якун Мирославич был жив еще в 1176 г., когда он выдал дочь за князя Ростислава Мстиславича (НПЛ: 35), считать «второго» Якуна отдельным лицом нет никаких оснований. О причине двойного упоминания имени Якуна в списке посадников, связанного с историей сложения самого списка, см. Гиппиус (2003: 68–69).

следним, заметим, что предлагаемая Яниным интерпретация «старшинства» Дмитра представляется излишне усложненной: поскольку в основе кончанских группировок лежали родовые связи, слова «старѣишу себе» можно и нужно, на наш взгляд, понимать чисто генеалогически: как указание на принадлежность Твердислава Михалковича и Дмитра Якунича не просто к одной группировке, но и к одному роду, в пределах которого Дмитр был по поколениям старше Твердислава.

В результате объединения Михалковичей в один род с Гюрятиничами, происходящими от Рёгнвальда-Рогволода, новгородское потомство последнего разрастается до поистине грандиозных размеров: как уже говорилось, Михалковичи – единственный боярский род, прослеживаемый со второй половины XII в. до конца новгородской независимости, и при этом самый значительный по своему политическому весу, составивший костяк крупнейшей и влиятельнейшей Прусско-Плотницкой группировки и давший наибольшее за всю историю Новгорода число высших городских магистратов.

Ценнейшие новые данные, проливающие свет на деятельность новгородских «Рогволодовичей» (как мы будем называть потомков Рёгнвальда Ульвссона) содержат берестяные грамоты. Среди них особое место принадлежит открытому в 1998 г. комплексу документов середины XII в., происходящих с усадьбы Е Троицкого раскопа, на территории которой, как явствует из содержания грамот и археологической картины в целом, располагался в эту эпоху судебно-административный центр общегородского масштаба (согласно В.Л. Янину, это был сместный суд князя и посадника [НГБ XI; Янин 2001: 6–30]). Центральные персонажи этого комплекса, Петр (Петрок) и Якша, уверенно идентифицируются с известными летописям историческими персонажами: Петр – с боярином Петром Михалковичем, в 1156 г. выдавшим дочь за новгородского князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого (сообщение об этом браке отсутствует в НПЛ, но имеется в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях [ПСРЛ 1: 346; 2: 482]), а Якша – с уже неоднократно упоминавшимся посадником Якуном Мирославичем, который в том же 1156 г. во второй раз занял этот пост (Гиппиус 2003а; Гиппиус 2004: 164–174). Достоверность этой парной идентификации была подтверждена в 1999 г. находкой на той же усадьбе Е в напластованиях начала XII в. грамоты № 907 – письма «от Тука к Гюряте», представляющего собой донесение городской администрации о результатах расследования дела о краже. Адресат грамоты с высокой ве-

роятностью отождествляется с посадником Гюрятой, т. е. Гюрятой Роговичем, дедом Якуна Мирославича. Сын Гюряты и отец Якуна, Мирослав Гюрятинич, среди персонажей грамот не встретился, но кажется глубоко не случайным, что дендрохнологическая дата помоста, являвшегося в середине XII в. центром административного комплекса усадьбы Е, – 1126 г. – совпадает с годом его избрания на посадничество (Янин 2001: 22–23). Таким образом, в истории данной усадьбы, находившейся в сердце древнего Людина конца Новгорода, мы, прямо или косвенно, встречаемся с представителями трех поколений Роговичей-Рогволодовичей.

Не меньший интерес представляет для нашей темы и фигура Петра Михалковича – Петра (Петрока) грамот троицкой усадьбы Е. Отчество этого персонажа наводит на мысль о его родстве с Михалком Степаничем. Два обстоятельства делают это родство особенно вероятным. Имя *Михалко*, известное в княжеской среде, обладало, по-видимому, определенным социальным престижем: более распространенная форма этого канонического имени была *Михаль*. Примечательно, что Новгородская летопись, упоминающая в XII–XIII вв. многих Михалей, знает только двух Михалков: Михалка Степанича, посадничавшего (с перерывами) в 1180–1205 гг., и его правнука, также Михалка Степанича, посадничавшего в 1255–1258 гг. Совпадение не только имен, но и отчеств прадеда и правнука чрезвычайно характерно: род Михалка Степанича демонстрирует повторяемость имен из поколения в поколения: Степан – Михалко Степанич – Твердислав Михалкович – Степан Твердиславич – Михалко Степанич. Симптоматично, с другой стороны, что первый Михалко Степанич впервые упоминается летописью в 1176 г., когда он, еще не будучи посадником, заново отстраивает сгоревшую годом раньше церковь архангела Михаила на Прусской улице. Патрональный характер посвящения церкви, которая и в дальнейшем остается объектом ктиторского попечения семьи Михалковичей, позволяет предполагать, что основателем ее был дед Михалка Степанича, также Михалко (относить основание храма еще на поколение раньше, вглубь XI в. нет никаких оснований). Не этот ли Михалко был отцом Петра Михалковича, который в таком случае должен доводиться посаднику Михалку Степаничу дядей?⁸

⁸ Личность самого Петра Михалковича представляет значительный интерес и в историко-культурном отношении. Имеются веские основания считать его отцом известного Олисея Гречина, боярина, священника и художника, в последней четверти XII в. имевшего мастерскую на соседней усадьбе А, заседавшего, подобно Петру Михалковичу, в сместном суде и упоминаемого в летописи как Гречин Петрович (Янин, Колчин & Хоро-

Первый Михалко, основавший церковь Михаила архангела, принадлежал, по всей вероятности, поколению Мирослава Гюрятинича и, согласно нашим предыдущим выкладкам, был в родстве с ним (заметим, что при такой реконструкции Дмитрий Якунич, как сын Якуна Мирославича, действительно оказывается «старшим» по отношению к Твердиславу Михалковичу, так как относится к поколению его отца, Михалка Степанича). Иначе говоря, Мирославичи и Михалковичи выступают в нашей реконструкции как две ветви рода «Рогволодовичей». Степень родства самих Мирослава и Михалка могла быть различной: теоретически их ближайшим общим предком мог быть и сам Рёгнвальд-Рогволод. Однако возводить разделение этих двух ветвей к XI в. нет генеалогической необходимости, тесная связь между Якуном Мирославичем и Петром Михалковичем позволяет предполагать их близкое родство: Мирослав и Михалко вполне могли быть родными братьями – сыновьями Гюряты Роговича (обращает на себя внимание совпадение начальных слогов двух имен).

Принадлежность Михалковичей и Мирославичей к одному древнему роду, имеющему скандинавские корни, проливает свет на нетривиальное сходство биографий Петра Михалковича и Якуна Мирославича: оба они породнились с Рюриковичами, выдав дочерей за новгородских князей (Петр Михалкович – за Мстислава Юрьевича в 1155 г., Якун Мирославич – в 1176 г. за Ростислава Мстиславича). Женитьба князя на боярской дочери – явление экстраординарное для русского княжеского дома, и – какова бы ни была политическая подоплека таких браков – несомненно требовавшее какого-то генеалогического оправдания. Происхождение невест от Рёгнвальда Ульвссона, состоявшего в родстве с несколькими скандинавскими монархами, вполне могло составить такое оправдание.

Если фамильной церковью семьи Михалковичей была церковь архангела Михаила на Прусской улице, то духовным центром Мирославичей была, судя по некоторым данным, церковь св. Иакова на Добрыниной улице, построенная или Якуном Мирославичем или еще Мирославом Гюрятиничем, по-видимому, имевшим в крещении имя Иаков (см. Янин 1970: 72–73; Гиппиус 2004: 172–173). В зону расселения в Новгороде «Рогволодовичей» попадает, таким образом, не только Прусская, но и соседняя Добрынина

шев 1981; Гиппиус 2005). Новые открытия позволили также выдвинуть гипотезу, связывающую с именем Петра Михалковича (Петрока) и его жены Марии (в грамотах упоминаемой как Марена) два выдающихся произведения новгородского искусства XII в.: серебряный кратир работы мастера Косты и икону «Богоматерь Знаменье», согласно преданию, защитившую Новгород в 1170 г. от полков Андрея Боголюбского (Гиппиус 2003б).

улица. Это заставляет с особым вниманием присмотреться к находившейся у выхода этой улицы к Волхову церкви св. Образа. Наиболее вероятным основателем этого храма, существовавшего уже в 1144 г., представляется умерший в 1117 г. посадник Добрыня, по имени которого, вероятно, была названа и Добрынина улица. Его возможно отождествить с упоминаемым в Повести временных лет под 1096 г. новгородским воеводой князя Мстислава Владимировича Добрыней Рагуиловичем (ПСРЛ 1: 238; см. Григорович 1821: 70–71). Исключительный интерес представляет отчество этого персонажа. Имя *Рагуиль* – уникальное явление в древнерусском антропонимиконе (см. о нем Гиппиус 2003в). Оно отсутствует в святцах и за пределами древней Руси как личное христианское имя не засвидетельствовано, на Руси же его бытование ограничено Новгородской землей. Появление в Новгороде этого уникального антропонима (восходящего, по-видимому, к апокрифической Книге Еноха) объясняется существовавшей на Руси в домонгольскую эпоху традицией выбора христианского имени по признаку его формального сходство с языческим (см. Гиппиус & Успенский 2000). В рамках этой традиции *Рагуиль* оказывается единственно возможным христианским соответствием для имени *Рогволодъ* (= сканд. Ragnvaldr); при этом другие языческие имена на *Раг-/Рог-* также неизвестны. Все это дает основания видеть в Добрыне Рагуиловиче родного брата Гюряты Роговича (= Рогволодовича).

Поскольку в конце XII в. церковь св. Образа была фамильной церковью семьи посадника Мирошки Несдинича (в 1191 г. ее заново отстраивает брат Мирошки Везд [НПЛ: 39]), следует думать, что Несдиничи, сыновья убитого в 1167 г. бирича Несды (НПЛ: 32), принадлежали той же ветви Рогволодовичей, что и Добрыня Рагуилович. Следующее обстоятельство подтверждает это предположение. Посадничавший в 1189–1203 гг. Мирошка находился в особо тесных отношениях с князем Ярославом Владимировичем (об этом говорит, в частности, факт погребения его самого и его сына Дмитра в соборе Юрьева монастыря, где в 1199 г. были похоронены княжичи Изяслав и Ростислав Ярославичи [НПЛ: 44, 45]). Природу этих отношений можно понять, если учесть, что тысяцким при отце Ярослава Владимире Мстиславиче состоял Рагуил Добрынич (упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 и 1169 гг.), в котором с высокой вероятностью угадывается сын Добрыни Рагуиловича. Посадничество Мирошки при Ярославе Владимировиче оказывается своеобразным продолжением, хотя и в качественно иной форме, служения Добрыни Рагуиловича

Мстиславу Владимировичу и Рагуила Добрынича Владимиру Мстиславичу.

Нужно иметь в виду, что в действительности родословие «Рогволодовичей» было, конечно, более разветвленным, к этому роду вполне могут принадлежать и некоторые другие известные летописям лица. Так, кажется весьма вероятным, что убитый в 1230 г. Семен Борисович, единственный бесспорный представитель Славенского конца на новгородском посадничестве до середины XIV в. и одновременно – единственный новгородский посадник, похороненный в соборе Юрьева монастыря после Мирошки Несдинича и Дмитра Мирошкинича, – это не кто иной, как сын Бориса Мирошкинича, переселившегося на Славно после разгрома Мирошкиничей в 1207 г. Этот Семен Борисович основывает в 1224 г. на Варяжской (!) улице церковь Павла Исповедника (НПЛ: 63), посвящение престола которой трудно объяснить иначе, как патрональными соображениями: следует полагать, что Павлом был один из предков ктитора. Связь «Рогволодовичей» с Ладогой позволяет думать, что таким предком Семена Борисовича был ладожский посадник Павел (ПВЛ, 1114 г.; НПЛ, 1116 г.), отец посадника Иванка Павловича. Оба они упоминаются в берестяных грамотах Троицкого раскопа и рассматриваются В.Л. Яниным как возможные предки Мирошки Несдинича (Янин 1998: 286)⁹.

Может быть дополнительно распространена и ветвь Михалковичей. Отношения ктитинства, связывавшие ее с Успенским Аркажим монастырем, позволяют предполагать, что основатель и первый игумен этого монастыря Аркадий сам принадлежал к этому роду (см. Малыгин & Гиппиус 2005). Тот факт, что именно Аркадий в 1156 г. становится первым избранным на вече новгородским епископом, получает в этой связи новое истолкование: кажется глубоко неслучайным, что чуть раньше в том же году пост посадника занял Якун Мирославич, а за год до этого Петр Михалкович сделался княжеским тестем. Мы определенно имеем дело с взаимосвязанными событиями, практически одновременно выводящими к вершинам светской и церковной власти в Новгороде представителей одного мощного родового клана.

Предвидя возражения, которых не может не вызвать генеалогическая реконструкция, зачисляющая в потомство скандинава Рёгнвальда Ульвссона

⁹ А.Е. Мусин (2002: 83–84), принимая гипотезу А.А. Молчанова с нашими дополнениями к ней, предполагает, что к роду потомков Рёгнвальда Ульвссона могли принадлежать и другие лица, посадничавшие в Ладого в XII в., в том числе Нежата Твердятич (как ладожский посадник упоминается в 1164 г.), Михаил Федорович (†1268) и Семен Михайлович (†1288).

больше половины новгородских посадников XI–XIII вв. (а именно такой вывод непосредственно вытекает из наших наблюдений), заметим, что эта реконструкция не содержит, на наш взгляд, ничего, что противоречило бы объективным данным о социальном устройстве Новгорода в XI–XII вв. – напротив, она хорошо согласуется с ними. В настоящее время можно считать доказанным, что в формировании новгородского боярства, основу которого составляла автохтонная родовая знать, определенную роль играл и «дружинный» компонент, исторически связанный с функционированием институтов княжеской власти (ср. Янин [1981: 216], где высказывается мысль о кастовой замкнутости новгородского боярства, восходящего исключительно к родоплеменной верхушке древнейшего периода новгородской истории, и критику этого положения в Назаров [1984: 119]; Носов [1989]). Нет поэтому ничего удивительного в том, что в общественной жизни Людина конца (население которого, судя по его названию¹⁰, первоначально не носило элитарного характера), начиная с определенного момента тон стал задавать переселившийся сюда род потомков видного представителя варяжского окружения Ярослава Мудрого. Такое переселение (вероятно, со Славна, где первоначально вблизи Ярославова дворища селились, судя по топонимическим данным, скандинавские дружинники) кажется вполне закономерным для второй половины XI в., когда, после строительства Владимиром Ярославичем Детинца и в нем Софийского собора, преимущества Софийской стороны над Торговой сделались особенно очевидны. Локализация этого нового «варяжского гнезда» на Добрыниной улице, первоначально составлявшей, по-видимому, периферию Людина конца, позволяет лучше понять и возникновение следующей за ней Прусской улицы, название которой связывается с поселением здесь в XII в. перебравшихся в Новгород членов распадающейся прусской дружины (Кулаков 1993). Освоенная «Рогволодовичами» периферия Людина конца была той территорией, на которой естественнее всего было обосноваться «социально близким» им выходцам из Пруссии.

Нужно думать, что уже в XI в. потомки Рёгнвальда не составляли в Новгороде замкнутого клана, социально отгороженного от остального населения; в отличие от Рюриковичей, заключавших династические браки, «Рогволодовичи», надо думать, женились на знатных новгородках, все более и

¹⁰ Название *Людинь* (!) *коньць* (все ранние примеры, начиная с древнейшей фиксации топонима в берестяной грамоте № 954, указывают на мягкость основы) содержит притяжательное прилагательное от *людинь* – социального термина, обозначающего в Русской правде ‘простолюдина’, в противоположность княжескому «мужу».

более вливаясь в среду местного боярства и, как мы старались показать, во многом формируя эту среду. Не только Якун Мирославич и Мирослав Гюрятинич, но и Гюрята Рогович, названный в Повести временных лет «новгородцем», должны были осознавать себя в первую очередь новгородскими боярами. Эта новгородская идентичность не исключала, однако, памяти об аристократических скандинавских корнях, свидетельство чему — уже упоминавшиеся браки, заключавшиеся князьями с представительницами этого рода¹¹. Такой же смешанной идентичностью должны были обладать и наследники других скандинавов, осевших в Новгороде на княжеской службе и со временем влившихся в ряды местной знати. Именно это, скорее всего, и имел в виду один из авторов Начальной летописи, закончивший рассказ о призвании варяжских князей словами: «и суть новгородстии людие до днешняго дне от рода варяжска» (НПЛ: 106).

Литература

- Алешковский 1974 = М.Х. Алешковский: Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. *Советская археология* 3 (1974), с. 100–111.
- Буров 1988 = В.А. Буров: О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.). *Древности славян и Руси*. Москва, с. 119–125.
- Гиппиус 1997 = А.А. Гиппиус: К истории сложения текста Новгородской первой летописи. *Новгородский исторический сборник* 6 (16), 1997. с. 3–72.
- Гиппиус 2001 = А.А. Гиппиус: «Суть людие новгородци от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции. *Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Папуто, Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции*. Москва, с. 59–65.
- Гиппиус 2003а = А.А. Гиппиус: Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных середины XII в. *Новгородский исторический сборник* 9 (19), 1997, с. 66–76.
- Гиппиус 2003б = А.А. Гиппиус: О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение». *Новгородский исторический сборник* 9 (19), 1997, с. 77–93.
- Гиппиус 2003в = А.А. Гиппиус: Рагоуиль. Страница из истории русского именователя. *Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*, Hgg. S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger. München, с. 144–154.

¹¹ Еще одним важным событием, актуализировавшим скандинавское происхождение «Роговолодовичей», стал брак Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха, и шведской принцессы Кристины. Как установил Ф.Б. Успенский, Кристина была правнучкой того же Рёгнвальда Ульвссона; соответственно, Гюрята и Добрыня Роговичи (Рагуиловичи) приходились ей троюродными братьями (Литвина & Успенский 2006: 358–362).

- Гиппиус 2004 = А.А. Гиппиус: О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII в. В книге: В.Л. Янин, А.А. Зализняк & А.А. Гиппиус: *Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.)*. Москва, с. 164–183.
- Гиппиус 2005 = А.А. Гиппиус: К биографии Олисея Гречина. В книге: *Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси*. Москва, с. 11–25.
- Гиппиус & Успенский 2000 = А.А. Гиппиус & Ф.Б. Успенский: К вопросу о соотношении языческого и христианского имени: древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении. В книге: *Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Сборник тезисов XIX конференции памяти В. Д. Королюка*. Москва, с. 29–36.
- Григорович 1821 = И.И. Григорович: *Опыт о посадниках новгородских*. Москва.
- Зализняк 1995 = А.А. Зализняк: *Древненовгородский диалект*. Москва.
- Колчин, Хорошев & Янин 1981 = Б.Н. Колчин, А.С. Хорошев & В.Л. Янин: *Усадьба новгородского художника XII века*. Москва.
- Коновалов 1994 = Ю.В. Коновалов: Русский княжеский дом в середине X в. *Историческая генеалогия* 4 (1994), с. 86–98.
- Кулаков 1993 = В.И. Кулаков: Прусская дружина и Русь. В книге: *Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 12–14 апреля 1993): Тез. док.* Москва.
- Литвина & Успенский 2006 = А.Ф. Литвина & Ф.Б. Успенский: *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*. Москва.
- Мальгин & Гиппиус 2005 = П.М. Мальгин & А.А. Гиппиус: К истории новоторжского Рождественского монастыря. *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции*, вып. 19, с. 272–278.
- Мельникова 1999 = Е.А. Мельникова: Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах. *Славяноведение* 4 (1999), с. 111–115.
- Молчанов 1997а = А.А. Молчанов: Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничего рода Роговичей-Гюрятиничей). *Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого*. Санкт-Петербург – Псков, с. 80–84.
- Молчанов 1997б = А.А. Молчанов: Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде). *XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докладов*. Петрозаводск.
- Мусин 2002 = А.Е. Мусин: К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода. *Новгород и Новгородская земля: История и археология* 16 (2002), с. 82–92.
- Назаров 1984 = В.Д. Назаров: О феодальном землевладении в новгородской республике: (К выходу книги В.Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981»). *История СССР* 2 (1984), с. 112–121.
- НГБ IX = В.Л. Янин & А.А. Зализняк: *Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.)*. Москва 1993.
- НГБ XI = В.Л. Янин, А.А. Зализняк & А.А. Гиппиус: *Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.)*. Москва 2004.
- Носов 1989 = Е.Н. Носов: Огнищане и проблема формирования новгородского боярства. В книге: *История и культура древнерусского города*. Москва, с. 44–52.

-
- НПЛ = *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва – Ленинград 1950. [Переиздано: Москва 2000].
- Поппэ 1997 = А. Поппэ: Феофана Новгородская. *Новгородский исторический сборник* 6 (16), 1997, с. 120–120.
- Прозоровский 1864 = В.Д. Прозоровский: О родстве св. Владимира по матери. В книге: *Зап. имп. Академии наук*. Т. 5. Санкт-Петербург, с. 17–26.
- ПСРЛ 1–2 = *Полное собрание русских летописей*: Т. 1. *Лаврентьевская летопись*. Ленинград 1926 [переиздано: Москва 1997]; Т. 2. *Ипатьевская летопись*. Санкт-Петербург 1908 [переиздано: Москва 1998].
- Томсен 2002 [1891] = В. Томсен: Начало русского государства. *Из истории русской культуры*. Том II. Кн. 1. *Киевская и Московская Русь*. Москва, с. 143–227. [Впервые опубликовано: Москва 1891].
- Унбегаун 1989 = Б. Унбегаун: *Русские фамилии*. Москва.
- Янин 1962 = В.Л. Янин: *Новгородские посадники*. Москва.
- Янин 1970 = В.Л. Янин. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. 1. Москва.
- Янин 1981 = В.Л. Янин: *Новгородская феодальная вотчина*. Москва.
- Янин 1991 = В.Л. Янин: *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*. Москва.
- Янин 1998 = В.Л. Янин: *Я послал тебе бересту*. 3-е изд. Москва.
- Янин 2001 = В.Л. Янин: *У истоков новгородской государственности*. Великий Новгород.
- Янин 2003 = В.Л. Янин: *Новгородские посадники*. 2-е изд. Москва.